Слѣдствіе

А и был Ефим Козьмич по воинским меркам глубоким стариком – по весне шестой десяток стукнул.

Сам росту среднего, в бороде серебряных нитей больше, чем русых. В плечах широк, в поясе… ну, чего врать. В поясе тоже стал широк. Виной тому оседлая жизнь. Не часто в последнее время на коня забирался, не часто. И дом Ефима Козьмича в двух шагах от княжеского. Потому как, хоть и воинская сноровка с годами поблекла, но разум продолжал работать исправно. Вот и звал князь, что ни день, на совет.

Ходил Ефим Козьмич прямо, спины не гнул даже перед князем. Не гордыня тому виной, и не возраст – былые тяжкие раны не давали поклоны бить. Про то князь знал и никогда не гневался. Уважал старика. А больше в городе кланяться было некому. Ему кланялись люди при встрече. Потому что тоже уважали.

Было время – водил Ефим Козьмич княжескую дружину воевать то степняков, то диких лесовиков, а то и соседей. От тех соратников, пожалуй, никого не осталось. Новая дружина нынче гремит железом за высоким забором кремля. Да и князь новый. Вернее сказать – третий на памяти. Пришел молодой Ефимка к Ярославу Изяславичу, двадцать лет держал стремя Борису Ярославичу, а теперь вот помогает советом Всеславу Борисовичу.

Молодой князь первым стал величать его по имени-отчеству, ценя заслуги, да помня отеческие наставления.

Времена настали не то, чтобы лихие. Бывали и похуже. Но не было в обманчивой тишине покоя. Со всех сторон ползли худые слухи. По городу шастали незнакомцы со злыми глазами. Из стольного града приходили противоречивые письма. Соседние князья нет-нет, да и наскочат на пограничные селения. Вроде как ненароком, без душегубств и пожаров. Пока…

Княжество хоть и небольшое, но дружине до края полный день без отдыха скакать надо. Вот и мчатся молодцы, горячат коней, на восход, а завтра – на закат. Иногда неделями броню не снимают.

Так и вышло само собой, что нашлось старому дружиннику занятие при князе – разбирать слухи и сплетни, выискивая в них правду, разговаривать с подозрительными путниками, норовящими отыскать проломы в ограде, да учиться заранее определять места, куда следовало заслать дружину без промедления, а куда и одного дьяка со звенящим кошелем было достаточно. Пока…

А тут еще купцы с жалобами. Четыре нападения за месяц. Вроде как ушкуйники расшалились. С одной стороны – обычное дело. С другой – получился северный тракт перерезанным. Не хотят по нему торговые люди ходить. Опасаются.

Трижды князь отправлял дружину. И трижды дружина возвращалась ни с чем. Словно предупрежденные, растворялись ушкуйники в лесных дебрях.

Конечно, были в дружине умельцы, что читали лес как открытую книгу. Но ведь и разбойнички, хоть в лыко обуты, да не им шиты. Кто в лесу живет, того так просто не поймать. Он что хочет, то в открытую книгу и напишет. А ты, городской, будешь читать и голову ломать, не видя, как над твоими потугами смеются.

Шел Ефим Козьмич по мощеной досками улочке медленно, на поклоны отвечал рассеянно, а когда и вовсе не замечал. Четвертый разбой оказался самым кровавым. И случился всего в пяти верстах от города. Так близко еще ни одна ватага подобраться не рисковала. Что, силу нагуляли? Или крепость князя проверяют? Или…

Пять верст для конника – легкая прогулка. Ни одна ватага не успеет разбежаться и схорониться. А против оружного воина, если сразу стрелой не собьют, конечно, хоть пять ушкуйников выставляй, хоть десять – всех упокоит. Это за плугом или на реке с сетью дружинник выглядит нелепо. А с мечом в руке – так всю жизнь этому учился.

А они все равно напали. В пяти верстах от города. Резали купцов, никуда не торопясь. И дали троим убежать специально – чтобы в городе точно знали, что и как произошло. Неужто точно – то самое "или…"?

Дружинники, стоявшие у входа в княжескую светлицу, вопросов не задавали, торопливо распахнули двери, так что Ефим Козьмич в думках своих и не заметил, как вошел в помещение.

Молодой князь Всеслав Борисович стоял, положив ладони на изразцы печи. Знобило князя после недавней охоты на кабана. Потому и затопили истопники, хотя осень стояла ранняя, теплая да погожая.

Ефим Козьмич огляделся. В дальнем углу будто хотел спрятаться от света боярин Данила Подкова – огромный, похожий на медведя. Такому как спрячешься?

У стола смирно сидел старший княжич Глеб Всеславич. По приказу отца он с десяти лет исправно посещал все советы. Человек предполагает, а господь располагает. Значит, должен княжич с ранних лет усвоить науку управления землями и людьми. Сидит, слушает. И отец так же сидел на советах у своего батюшки.

Был в светлице еще княжий духовник отец Варсонофий.

Ефим Козьмич кивнул каждому, насколько смог шевельнуть простреленной шеей, подошел к князю.

- Что надумал?- спросил Всеслав Борисович.- Кто балует?

- Вечером кабаки тряхну. Надеюсь взять парочку-другую лиходеев,- тихо сказал Ефим Козьмич.- Им же золотишко должно ляжки жечь. И город под боком – как не прогулять? Это раньше они в лесах хоронились, а теперь лучше городского муравейника укромного места не сыскать. Здесь они, нутром чую.

- Смотри,- строго ответил князь,- чтобы следующий обоз не ограбили прямо перед моими окнами.

- То-то и оно,- закряхтел Ефим Козьмич и, отпущенный князем, пошел садиться на свое привычное место – рядом с княжичем. Отроку на следующую Троицу двенадцать годков исполнится – самое время войти во взрослую жизнь. А кому еще помогать, как не старому воину…

По дороге к столу он привычно задержался рядом с отцом Варсонофием, попросил благословения, получил его, и сел на узкую лавку, покрытую толстым азиатским ковром.

- Поздорову ли, князь мой Глеб Всеславович?- спросил у княжича.

- Слава богу,- ответил тот ломким детским голоском.

Ефим Козьмич еле слышно вздохнул. Проклятое "или…" не шло из головы. Вон как князь закашлялся. А княжич слишком мал еще. Не посмотрят соседи на близкое родство, ринутся занимать освободившийся престол. Кровушки прольют столько, что господи, помилуй.

Совещались недолго. На улице не успело толком стемнеть, как Ефим Козьмич уже спешил на южный конец города, где малые ворота закрывались только после заката. За ними вырос посад, полный ремесленников и торговцев, потому и не закрывали долго, чтобы дать людям возможность вернуться в свои избы с рабочих мест на ночлег.

В длинном строении, служившем городу сеновалом, его ждали двое.

- Видели одного,- без предисловий сказал одноглазый Хома.- Вина заморского требовал. Одежка старая, а меч двуручный, немецкий, так и сияет. Точно, из душегубцев. Ребята стерегут.

- Не уверен,- покачал головой второй – Никита Сивоус.- В поле умные, а в кабаке дурак дураком? И почему один? Да и расплачивается ливонскими талерами, а не купеческим золотом. Скорее всего – обычный бродяга, наемный рубака. Не вошли они в город, Ефим Козьмич. Испугались.

Старик тяжко вздохнул:

- Вот бы ты, Никита, прав оказался. Но, боюсь, прав как раз я. А то, что золотом в кабаках не звенят – стало быть, умные. И любитель вина к ним не относится. Наши ушкуйники мечами не машут, особенно двуручными. Все больше топорами… Утром, как проспится, побеседуйте с ним вежливо, да укажите кратчайшую дорогу из города. А тех - ищите. Здесь они.

Он помолчал, тяжело вздохнул и неожиданно приказал:

- А давайте-ка этого молодца сюда. С севера идет? Стало быть, должен знать тамошние новости. Только вежливо пригласите, без лишнего шума.

Хома кивнул и вышел на улицу. Не успел Ефим Козьмич дожевать припасенный калач, да запить его глотком колодезной воды, как четверо дюжих парней втолкнули в сарай высокого мужчину.

Ефим Козьмич всмотрелся в незнакомое лицо. Было видно, что совсем недавно мужчина ходил с гладко выбритыми по ливонскому обычаю щеками – щетина еще короткая, ровная. Понятно.

- Кабатчику за вино вы заплатите?- задорно спросил мужчина, безошибочно определив старика за главного.- И откуда в таком захолустье настоящее французское сыскалось?

- Вкусное?- спросил Ефим Козьмич.

- Кислятина. Поди, сто лет в погребе простояло. Но – настоящее. Я в винах разбираюсь.

Держался незнакомец свободно, хмель, само собой, голову кружил, но в полон пока не взял. Да и чего опасаться, если даже тяжелый двуручный меч не отобрали. А что в спину толкнули – так то для ускорения, а не обиды.

- Издалека идешь?

- Из земли прусской.

- Чем занимался?

- Служил в ордене тамошнем. Рядовым кнехтом.

- Как попал?

- Проще простого,- хмыкнул незнакомец.- Спалили мою деревеньку доблестные рыцари, а меня да еще пятерых мальцов с собой увели. Сначала свиней пас, потом в кнехты подался.

- И как жизнь в кнехтах?

- Да уж получше, чем на свинарнике. Год за господами копья носил, потом сам с копьем в строй встал.

- А ушел почему?

Незнакомец пожал плечами:

- При старом магистре житье терпимое было. А пришел новый – тут и выяснилось, что я один в ордене латинской вере не подчиняюсь. Ну, я не стал ждать, когда за мной придут. Прихватил в счет жалованья эту железяку,- он тронул рукой меч,- и после вечерней службы покинул крепость с помощью молитвы и длинной веревки.

- Понятно,- улыбнулся Ефим Козьмич,- нечто подобное я и подозревал. И куда путь держишь?

- В Киев иду. Слышал я, что тамошний князь и добр, и богат. Может, пригожусь. Военному делу добре обучен, опять же, языки иноземные знаю – польский, немецкий, французский. Не пропаду.

Они помолчали, внимательно изучая друг друга.

- По тракту шел?

- Не тропинками же. В здешних лесах немудрено заблудиться. Опять же – народ по тракту часто проезжает. С кем словом перекинешься, кто хлебом угостит, а кто и винца плеснет. Все веселее.

- А что ты слышал,- Ефим Козьмич сделал паузу, чтобы собеседник задумался, и договорил,- про разбойные нападения на купцов? Небось, тебе об этом все уши прожужжали?

Незнакомец пожал плечами:

- Да ничего такого не слыхал. Так, у костра вечером кто-нибудь припомнит, на ночь глядя. Для куражу.

- Стой, не бреши!- не выдержал молчавший до того Хома, вышел из тени.- Как так может быть? За последнее время три обоза разнесли! А ты не слыхал?

- Брешут собаки,- с достоинством ответил незнакомец.- А мне выдумывать сказки интереса нет. Если бы и правда три обоза ограбили, я бы про то непременно узнал. Не так много событий происходит в вашей глухомани, чтоб такое народ не обсуждал за чаркой.

- Если парень не врет, то я тогда вообще ничего не понимаю,- шепнул Ефиму Козьмичу на ухо Никита Сивоус.- Куда мы тогда целых три раза дружину гоняли?

- Вот и я в растерянности,- ответил старик.- Кто-то врет. Либо этот наемник, либо купцы. Но четвертый-то раз точно был! Сам лично мертвецов видел. Что-то я запутался, Никита. Парня проводите обратно – пусть сам за себя кабатчику платит. Слышь, наемник! Сделай божескую милость – задержись в нашем захолустье денька на три. Вдруг мне еще захочется с тобой поболтать...

- Умеешь уговаривать,- усмехнулся незнакомец.- Так и быть, допью все вино, что найдется. Да и неохота по глупости получить стрелу в спину.

- Разумно рассуждаешь,- кивнул Ефим Козьмич.- Понравился ты мне. Может, и не понадобится тебе киевскому князю кланяться. Наш, поверь, ничуть не хуже.

- А для пущей надежности за тобой ребятки мои присмотрят,- хмуро сказал Хома.- Уж ты их не обижай, если жизнь еще нужна. Ладно?

Оставшись вдвоем, Ефим Козьмич и Никита долго молчали.

- Не хотел говорить,- медленно сказал Никита, старательно отводя виноватый взгляд,- думал – глупость…

- Так хоть сейчас скажи. Если и вправду глупость – посмеемся вместе.

- Феофил-горшечник сегодня перед обедом уехал. Полная телега товара. На север отправился. Я ему – опасно же. А он – бог не выдаст. И добавил – уж больно слухи разные про ушкуйников гуляют. Такие разные, что мало кто им верит. И уехал.

- Это что получается?- задумался Ефим Козьмич.- Обманули купцы? А смысл какой? Непонятно как-то… в чем подвох? Тогда зачем под городом резню учинили?

- Да, не складывается картинка,- согласился Никита.

- Просто мы ее не так складываем. Многого не знаем. Например, куда они исчезли после резни? Дружина мигом домчалась, а там одни трупы.

- Может, у разбойников крылья выросли?- хмуро пошутил Никита.- Обратились в серых воронов, да и улетели в свое тайное гнездовье.

- Крылья, говоришь?- задумался Ефим Козьмич. Да так крепко задумался, что вышел из сарая, забыв попрощаться с Сивоусом.

До своего дома не дошел пару шагов. Густая тень под высоким забором зашевелилась, приняла очертания огромной копны сена, либо медведя на задних лапах.

Ефим Козьмич рта не успел раскрыть, как вокруг него выросли крепкие парни с кинжалами в руках.

- Придержи свою молодежь,- пробасила тень голосом боярина Данилы.- Не то и мои на свет полезут, как тараканы. Им лишь бы подраться, неугомонным. Долго гуляешь, я уже мерзнуть начал.

- Ты же даже летом шубу не снимаешь,- усмехнулся Ефим Козьмич,- в ней в сугробе на Крещение можно спать. Мерзнуть он начал, гляньте, люди добрые.

- А вот не нужно никому глядеть. Ни добрым, ни, тем более, злым,- хмуро сказал Подкова.

- Посекретничать пришел?- догадался Ефим Козьмич.

- Есть разговор. Втроем. Давай во двор зайдем, от глаз подальше.

Они вошли в калитку – первым хозяин, за ним боярин протиснулся, последним неизвестный, кутавшийся в накидку цвета ночи. Охранники остались снаружи, сурово зыркая по сторонам, а заодно и друг друга меряя подозрительными взглядами, хоть и знались давным-давно. Да и кто в городе кого не знает?

Ефим Козьмич окриком отогнал рванувшегося, было, на посторонних сторожевого пса, спросил коротко:

- Ну?

- Помощь нам предлагают,- Подкова повернулся к третьему собеседнику,- Давай, рассказывай.

- Звать меня Тригор,- тихо сказал тот.- Мало нас осталось. А скоро и вовсе не будет, потому как смертны. Расползается по Руси греческая вера, не оставляя нам места.

- Ты, волхв, веру не трожь. О деле говори,- сурово ответил Ефим Козьмич и демонстративно перекрестился.

Тригор легко рассмеялся:

- Нет нам дела до греческой веры в жидовина, убитого латинцами. Воскрес? Так ведь бог же – как

богу от человека смерть принять? Это попам вашим до нас дело есть. Но я не жаловаться пришел. И не души покупать, как Варсонофий стращает. Тьма идет. Кровь зальет наши земли.

- Мухоморами объелся?- резко оборвал его Ефим Козьмич.- Ты загадками не говори, не с чернью общаешься. Если знаешь что – будем разговаривать. А если предсказывать возьмешься – своими руками через забор перекину. Мне пустословий и без тебя хватает.

- Ефим…- укоризненно протянул Подкова.

Но волхв лишь согласно качнул головой:

- Хорошо. Скажу по-простому. Против князя составлен заговор. Открыто никто не полезет – времена Святополка Окаянного миновали. А вот отравить – запросто. Или напасть чужими людьми.

- Кто?

- Не ведаем, извини. Пока не ведаем.

- Что тебе известно о нападениях ушкуйников на купеческие обозы?- прямо спросил Ефим Козьмич.

Тригор пожал плечами:

- Одно точно было. А до него которые – на сказки похоже. Мои братья по тем местам недавно проходили. Ни одного свежего погоста.

- И дружина, помнишь?- сказал Подкова.- Никак не могли найти точное место, где случилось нападение. Только в одном случае в овраге видели сломанную телегу.

- А купцы как складно пели,- процедил сквозь стиснутые зубы Ефим Козьмич.- И товары у них отняли, и прислугу порубили… рыдали так, что за ними девки полы замучались подтирать.

- Видать, заплатили купцам за обильные слезы,- согласился Подкова.

Ефим Козьмич задумался, машинально крутя из бороды косички.

- Не понимаю,- сказал он, наконец, сокрушенно.- Не понимаю. Раньше ведь тоже заговоры строили, нападения учиняли. Но как-то проще все было. Пришли войском, осадили, повоевали. А тут… плачущие купцы, ушкуйники, которых никто не видел.

- Можем помочь,- сказал Тригор.- Не оружием, конечно. А вот вызнать правду, людей в дальних поселениях расспросить. – это по силам. От нас не таятся, на окраинах доверяют больше, чем княжьим слугам.

- А взамен что?

- Да ничего. Чтобы не трогали. Сами уйдем, когда время выйдет. Мало нас, говорю же. Самому молодому не меньше шестидесяти. Недолго осталось. Победила Русь греческая вера.

- Ладно. После обговорим условия. Для начала – узнайте, откуда черный ветер задул.

Тригор кивнул:

- Мыслим мы, что враг рядом с князем ходит. Ты его ищи, а мы снаружи вызнаем.

- Етишкин кот!- возмутился Подкова.- Так и я рядом с князем, и ты, Козьмич, тоже рядом! Себя будем подозревать?

- С себя, Данила, и начнем,- серьезно ответил Ефим Козьмич.

Проводив нечаянных гостей, он приказал подать ужин.

Злило то, что в этот раз неведомые враги все устроили очень хитро. Вроде бы и цель их ясна. А вот способ…

- Кого ж вы купили-то?- бормотал он, мысленно перебирая всех княжьих людей.

И еще одно волновало – для чего была придумана история с грабежом купцов? Нервы князю пощекотать? Неразумно. Как там складывалось? Первое нападение двадцать три дня назад – в шестидесяти верстах от города. Второе, четырнадцать дней назад – в тридцати шести. Третье, восемь дней назад… в семнадцати…

Догадка пришла далеко за полночь. Четвертое нападение – позавчера в пяти верстах. И каждый раз дружина в полном составе выезжала на перехват лиходеев.

- Будет пятое,- уверенно сказал себе Ефим Козьмич.- И снова верстах в сорока от города. И дружина вновь помчится туда. А, пока ее не будет, те, кто резал купцов у самого города, войдут сюда. Потому что пятое нападение снова будет обманным. Как три первых. Цель – выманить из города воинов, оставить князя с малой дружиной. Нет, ребята, вы не обычные ушкуйники. В городе вас точно нет, такую толпу незнакомых людей мигом бы вычислили. Прошка! Просыпайся, бездельник! Тащи свиток, на котором наше княжество нарисовано.

Заспанный слуга принес свернутый в трубу пергамент, зажег несколько дополнительных свечей. Ефим Козьмич склонился над разноцветным рисунком, нашел нужное место.

- Здесь обоз вырезали, тати. И растаяли, словно морок. Дружина прочесала окрестности – ни следочка. Что это значит? То и значит – не лесами ушли, а по твердой дороге, перемешали свои следы с другими. Где у нас заветный перекресток? Вот он. Где ж вы, гады, прячетесь? Не могли уйти далеко, не для того приближались. Где можно спрятать ватагу в сорок человек? Так, чтобы ни у кого вопросов и сомнений не возникло?

Указательный палец, искривленный ревматизмом, медленно полз по карте. Влево. Вправо. И замер, словно наткнувшись на преграду. Идеальное место. Если хозяин, конечно, в сговоре…

- К вопросу о крыльях утром перейду,- сказал довольный собой Ефим Козьмич.- Небось, не откажут старику в пояснениях.

И, стариковски покряхтев, побрел в опочивальню, дав Прошке себя раздеть. Помолился на икону Спасителя – истово, с конкретной просьбой. Да и уснул, будто в омут провалился.

Петухи еще только пробовали голоса, сомневаясь в реальности осеннего рассвета, когда Ефим Козьмич уже входил в ворота заднего двора княжьего дома.

Его тут знали, знали и привычку появляться в неурочное время, потому ни сторож, ни кухонные мужики ничуть не удивились.

- Поздорову ночевали, ребята?- сказал он приветливо.

- Слава богу, Ефим Козьмич,- нестройно загомонили мужики.

- А подскажите, кто у нас голубятней заведует?

- Так Епифан и заведует,- ответил сторож.

- Где его найти?

- Так на голубятне и ищи, уважаемый. Ночлег у него там. Своего дома не нажил, бобыль наш Епифан. С голубями живет.

Невдалеке раздался громкий свист. В небо сорвалась огромная стая разномастных птиц.

- Ага,- улыбнулся Ефим Козьмич и направился к голубятне.

Голубятник Епифан выглядел неопределенно. Пегие волосы и борода, сожженное солнцем лицо, натруженные руки. И тридцать лет можно дать, и шестьдесят.

Он стоял на крыше сарая, размахивая шестом с привязанной на конце тряпкой, и гонял голубей, не давая им садиться.

- Громко свистишь,- сказал Ефим Козьмич,- эдак, всех в городе разбудишь.

- Нечего спать по утрам,- засмеялся Епифан.- Работать надо. Молиться, опять же.

Ефим Козьмич помолчал, наблюдая за парящими голубями, потом залез на крышу. И удивился – за открытой дверью голубятни виднелась еще одна, закрытая, в которой тоже сидели голуби.

- А этих что ж не выпускаешь?

- Этих нельзя,- солидно ответил Епифан.- Это чужие. Не успеешь глазом моргнуть, как улетят.

- Это как? А что они тут делают?

- Работу ждут,- усмехнулся голубятник.

- Работу?!

- А как же. Голубь – птица умная. Нешто ты, барин, не пользовался голубиной почтой ни разу?

- Пользовался, конечно,- кивнул Ефим Козьмич.

- Один недостаток у такой почты – голубь летит только туда, где родился. Нельзя взять первого попавшегося и приказать – ты, сизокрылый, лети сегодня в Киев, а завтра в Полоцк отправишься. Не выйдет, понимаешь? В Киев полетит только тот, что вылупился из яичка в Киеве.

- Понятно. Стало быть – это сидят не местные?

- То-то и оно.

- И каких чужаков у тебя больше всего?

- Знамо дело, тех, что чаще летают. Монастырских. Их каждый раз не меньше десятка. Улетел голубок – назавтра его обратно привозят. Восемь верст – рядом.

- И часто птицы летают в монастырь?- как бы невзначай спросил Ефим Козьмич.

- Последнее время по пять-шесть за день.

- Сам отправляешь?

- Нет, конечно. Слуги кличут, я птичку приношу. А дальше не мое дело.

Они еще немного поговорили о самых разных вещах – какое зерно лучше, о соколиной охоте, иногда вместо диких птиц перехватывающей почтарей.

К княжьему дому Ефим Козьмич вернулся, когда солнце выползло из-за верхушек вековечного леса. Там его уже ждали Хома, Сивоус и воевода княжьей дружины Илья Третьяк.

- Обождите,- сказал помощникам старик, сам взял воеводу под локоть, отвел в сторону.

- Собирай ребят. Постарайтесь выехать из города, не привлекая лишнего внимания. Да хоть через задние ворота.

- Куда?- деловито спросил Илья Третьяк.

- Скит монашеский знаешь? Что у реки? Там лиходеи, уверен.

Воевода пожал плечами:

- Уверен? А как я их от обычных паломников отличу? Крикну, что ли – честные христиане налево, а лиходеи направо?

- А ты пошуми при въезде. Они же не отдыхают там, не молитвами занимаются. Ждут приказа, в напряжении сидят. Поневоле сорвутся, когда решат, что вы по их черные души прибыли. Сами проявятся.

- Не сбегут? Лови потом по окрестным лесам.

- Это, Илюша, не простые душегубы. Это, скорее всего, переодетые воины какого-то князя соседского. Не побегут они в лес, потому что не знают его. Биться будут.

- Вот и хорошо,- обрадовался воевода и пошел к конюшням.

- Теперь вы,- обернулся Ефим Козьмич к своим помощникам.- Ворота городские запереть. Повод сами придумайте, не время мне мелочами заниматься. Стражу после ночи на отдых не отпускать. Хома, бери всех своих, обложи княжьи палаты плотным кольцом. Чтобы ни туда, ни оттуда. Ясно? Кто за железо возьмется, тех можно не жалеть. Остальных вязать крепко. Никита, на тебе княжий двор. Видишь, монахи у крыльца? С Варсонофием прибыли. Слишком уж крепкие. Хотя, может, это я уже в каждой мыши начал корову видеть…

- Береженого бог бережет,- понимающе кивнул Сивоус.- Сделаем. В палаты с собой возьмешь кого?

- Пожалуй, одного Хому,- подумав, ответил Ефим Козьмич.- Много народа опасно брать – можем вспугнуть зверя. А одному идти… прав ты, Никита. Стар я стал для боя в закрытом пространстве.

Могу не уберечь князя. Думаю я, ребята, на Варсонофия. Все на нем сходится. Но вдруг ошибся?

- Проклянет,- без улыбки сказал Хома.

- Князь отмолит. Пошли, ребята. Начинаем сразу, как только дружина с глаз скроется. Нельзя тянуть. Мы впервые опережаем татей.

Помощники разошлись. Ефим Козьмич жадно вдохнул холодный воздух. В груди закололо, в голове зашумело. И направился к князю.

В палатах пахло как в келье монаха – травами, воском, миррой и ладаном. Всеслав Борисович полулежал на широкой лавке, накрытой множеством медвежьих и лисьих шкур. Бледное лицо в каплях испарины выглядело значительно старше его двадцати семи лет.

У ложа непрерывно и неслышно суетились какие-то старушки, которых Ефим Козьмич ранее здесь не встречал.

В изголовье сидели княжич, бледный не менее отца, и священник Варсонофий, тихо читавший вслух Библию.

Боярин Подкова стоял в дверях, перекрыв своим могучим телом проход. Лицо его выражало растерянность и злость одновременно.

- Что тут происходит?- спросил его Ефим Козьмич.

- Сам не пойму. Но очень похоже, что святой отец решил нашего князя отпеть заранее.

- А князь что? Согласен?

- Спит князь. Так что никто его не спрашивал.

- Ты мне помощник? Или как обычно – зайдешь попозже?- совершенно серьезно спросил боярина Ефим Козьмич.

- Ну, как бы… вообще-то я… но с другой стороны…

- Понял. Зайди попозже.

- Что?

- Домой, говорю, ступай. Страже своей скажи – пусть задние ворота на себя возьмут. И чтобы через них даже тень мышиная не проскочила.

- Ясно!- с неприкрытым воодушевлением сказал повеселевший Подкова. И торопливо протиснулся в узкий дверной проем.

Ефим Козьмич проводил его долгим взглядом. Вот ведь, и умен боярин, и силы немаленькой. Но – не боец.

В палату вошли два монаха, по знаку отца Варсонофия заняли место у окна рядом с еще четверыми. Следом почти вбежал Хома, кивнул в их сторону, скривил виноватое лицо. Ну да, опоздал. И Сивоус хорош, мог бы еще на дворе монахов придержать. Ладно, чего тянуть…

Последним в палату вошел служка, державший в руках белого голубя. Варсонофий прервал чтение, подошел к служке, достал из бесчисленных складок церковного одеяния лист, принялся его сворачивать.

Ефим Козьмич тяжело вздохнул, покосился на спящего князя и решительно шагнул вперед.

- А можно полюбопытствовать, отче, что вы с этой птичкой хотите отослать?

Варсонофий замер с открытым ртом, продолжая машинально скручивать пергамент.

- Ты…- выдохнул он, как выплюнул,- как ты смеешь задавать мне такие вопросы? Ты кем себя возомнил?

- Прости, отче,- без малейших следов раскаяния ответил Ефим Козьмич,- служба такая. Жаловались купцы, что ты им за ложь заплатил мало. Кому письмо шлешь? Паломникам новым, что нашего князя убить хотят?

И по растерянным глазам священника мгновенно понял, что только что придуманная им напраслина

оказалась правдой. Тогда протянув руку, он решительно выдернул пергамент из потной ладони Варсонофия.

- Аааааа!- вдруг дико завизжал священник, отпрянул назад и крикнул:

- Рубите! Рубите их всех! Всех до одного! И князя рубите! И княжича!

У окна возникла какая-то заминка. Ефим Козьмич краем глаза увидел расплывающееся в улыбке лицо Хомы, тоже оглянулся.

Четверо монахов, путаясь в непривычных рясах, тянули из-под них на свет мечи. А двое пришедших позже, скинули капюшоны, и оказалось - это Сивоус и Пахом Полянин. В их руках уже отсвечивали длинные боевые ножи, которыми в тесноте орудовать куда сподручнее, нежели тяжелыми мечами.

Больше в ту сторону Ефим Козьмич не смотрел. Не маленькие, как-нибудь сами разберутся. Выхватил из-за пояса кинжал и бросился к Варсонофию.

Под ноги мягкими шарами бросились старухи. Хоть Ефим Козьмич и сумел удержаться, но время, раскидывая злобно верещавших ведьм, потерял.

Варсонофий уже прижимал к себе княжича, прислонив к его горлу острое лезвие ножа.

- Прекратить!- снова заорал священник.- Я убью княжича! Прекратить! Дайте нам уйти из города! Будьте вы все тут прокляты.

- Говорил же – проклянет,- шепнул Ефиму Козьмичу на ухо запыхавшийся Хома.

- Проклятие от врага – это как благословение от друга,- ответил тот.- Не бойся, не сработает. Он больше не наш священник.

Звон железа и шум схватки затихли. Только тяжелое дыхание, да стоны какого-то раненого нарушали воцарившуюся тишину.

Неожиданно отец Варсонофий тонко вскрикнул, выпустил нож. И медленно свалился на пол.

Позади него с окровавленным княжеским посохом в руках стоял Всеслав Борисович.

- Плохи твои дела, Ефим Козьмич,- снова задышал в ухо Хома.- Князь собственноручно крамолу порешил. А ты в это время в гляделки играл. Выгонит тебя князь.

- А поставит за порядком следить кого? Уж не тебя ли?

- А хоть бы и меня,- засмеялся Хома.

Его смех среди мертвых тел, окровавленного оружия прозвучал так странно и нелепо, что первым не выдержал князь – тоже засмеялся, легко и свободно, как и положено смеяться выздоравливающему человеку.

А потом засмеялись все. Даже княжич. Потому что победителям смеяться можно.